

М. П. ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

Михаил Петрович Погодин

Дьячок-колдун

В книгу вошла большая часть художественного наследия Михаила Погодина (1800–1875), произведения, созданные писателем в ранние годы жизни. Разноплановые повести Погодина — бытоописательные, авантюрно-приключенческие, построенные на фольклорном материале, содержащие в себе элементы социальной критики и сатиры, небезуспешные попытки набросать психологический портрет — достаточно характеризуют круг тем и направление творческих поисков молодого Погодина, нередко предугадывавших пути дальнейшего развития русской прозы. Наряду с повестями в сборник включена трагедия «Марфа, Посадница Новгородская», получившая высокую оценку Пушкина как одна из первых в России «народных

драм».

Содержание

#1	0006
ПРИМЕЧАНИЯ0035

М. П. Погодин
Дьячок-колдун
Стародавнее предание

В 1764 году, когда указом блаженные памяти императрицы Екатерины II повелено было отобрать поместья от монастырей и обратить их в ведомство вновь учрежденной Эконом-коллегии, наше черное духовенство [1], может быть не без внутреннего прискорбия, по крайней мере терпеливо, в духе истинной любви к отечеству, готовой на всякое пожертвование, лишилось значительных доходов, коими пользовалось издревле. — Но не одни, монахи понесли ущерб вследствие этого достопамятного указа — благосостояние белого духовенства в отчинах [2], перешедших в светское управление, очень изменилось, и вот по каким причинам: состоя за монастырями, каждый приход имел по пятидесяти десятин земли вместо вновь положенных тридцати; земля церковная обрабатывалась монастырщиною [3], и труды причетников [4] состояли только в прочном устройении закров для принятия плодов, собранных мирянами; монастырские приказчики, управлявшие поместьями, и архирейские служки, наезжавшие для ревизии, приходились часто сродни священнослужителям и, имея в руках своих

полномочие, вдали от монастырей: верст за пятьсот, тысячу и более — могли в разных случаях оказывать пособие своим родственникам: позволяли им ловить рыбу в прудах, пользоваться садовыми плодами, огородными растениями, наделяли их медом от пчел, пивом и вином, которое варилось и выкуривалось в монастырских заведениях, — по пословице: свой своему поневоле друг; духовенство, состоя в толь тесной связи с правителями, имело гораздо более важности в глазах крестьян, которые часто просили его заступления и посредничества в своих отношениях к первым, и сии услуги, разумеется, никогда не оставались без праведного воздаяния — ибо достоин делатель мзды своея.

В 1764 году выгоды сии почти уничтожились: землю должно было обрабатывать самим или употреблять слишком много хлопот, денег, вина на это обрабатыванье; от подьячих, которые, как голодные пиявицы, бросились на свою добычу, нельзя было ожидать такой скорости, как от прежних сытых служек и приказчиков; а крестьяне вскоре увидели, что они могут относиться с своими нуж-

дами прямо к новым начальникам, совсем не спесивым, без всякого посредничества.

Таким образом, во многих селах новое постановление было громовым ударом для церковнослужителей, особенно для тех, которые, живучи в изобилии, не думали о будущем времени и не скопили запасов на черные дни, так неожиданно наступившие.

К числу их принадлежал дьячок села Рождествена (близ города Пронска) в Рязанском наместничестве, отец многочисленного семейства. Сначала, разумеется, пока оставались у него кой-какие крохи, новое устройство было ему не слишком ощутительно — но после, когда подобрались крохи, он почувствовал в полной мере нею тягость своего положения. С доходом обыкновенным при его семействе можно было не умереть с голоду, а он недавно имел все, чего душа желала, и катался как сыр в масле.

Размышляя о бедственной своей участи, лежал он в сумерки на полатах и искал в уме средств пособить своему горю. Надо предупредить мне моих читателей, что этот дьячок был человек неглупый, но очень смиренный и

робкий. Итак, не мудрено, что сколько он ни переворачивался с бока на бок, сколько ни чесался в затылке, сколько ни расправлял своей окладистой бороды, однако не мог придумать ничего себе на пользу и стал досадовать, роптать... Дьявол пользуется такими минутами для уловления людей, не только слабых, но и гордящихся твердостью своего разума...

— Здорово, кум! — закричал пономарь, вошедший в избу. — Что лежишь? лежаньем города не возьмешь.

Пономарь этот, человек грубый, дерзкий, очень хитрый, пронырливый, имел над дьячком власть, какую обыкновенно имеет твердый над слабым, особенно потому, что, умея стряпать дела с прежними начальниками, приносил ему иногда лишний доход без излишнего отягощения совести.

— И рад бы взять иным, да нечем, — отвечал хозяин, обрадовавшийся гостю, как бы предчувствуя, что сей последний нашел средство выйти из общих затруднительных обстоятельств.

— Вставай с полатей да поди ко мне сюда. Эй, кума! поднеси-ка нам по чарочке пенни-

ку, коли осталось от времени оного, и ступай в клев коров доить; мы здесь будем мерекать не о бабьих делах.

— Уж хоть бы ты постарался, умная голова Кирило Тихонович, а на моего муженька столбняк напал, так что я не знаю, что и делать с ним, — сказала дьячиха, поднося ему стаканчик на деревянном подносе. — Выкушай на здоровье.

— Маслице коровье, — отвечал пономарь, снял полштоф с подноса и поставил пред себя. — Теперь с богом. Дьячиха с улыбкою вышла.

— Ну, кум, богатый на деньги, а голь на выдумки. Я нашел средство жить богаче прежнего...

— Уж хоть бы по-прежнему. Куда еще больше. Какое же — говори, отведи душу.

— А вот какое — станем колдовать.

— Тс, наше место свято! что ты, окаянный, выговорил. Ни за что на свете не соглашуся! дружитья с дьяволом! что ты — опомнись.

— Чего мне опоминаться? Образумься ты. Кто говорил тебе о дружбе с дьяволом? Мы только похитрим немного, и то ненадолго, по-

камест обойдется дело, покамест оботрутся новые веники, которые, видишь, как чисто замели теперь. А там, поправившись, пожалуй, и перестанем. Ну, да ведь и молиться будем поусерднее, хоть всякий день петъ по заутрене.

— Нет, Тихонович, я не согласен: грех тяжкой...

— Грех в орех, а спасенье наверх; все беру на себя. Ты только молчи да потакай мне. Раскаяться успеем и еще лучше угодим богу после.

— А как узнают прежде, чем мы оставим ремесло свое? Куда угодим мы?

— За то стою, что никто не проведает. Мы будем вести все дело тихо, крыто да шито.

Между тем соблазнитель поминутно подливал стаканчики, которые не успевали почти и опоражниться.

— А зачем ты один не хочешь затеять колдовства?

— Одному не сподручно. Мне надо шнырять в народе, выведывать, указывать под рукою на тебя кому надо, рассказывать о твоём уменье, соблюдать, чтоб хоронилась тайна.

Смотри, какая куча повалит к тебе со всякими гостинцами! Все барыши будем мы делить пополам, заживем не хуже служек и станем блины есть с маслом в обмачку.

— Да помилуй, Кирило Тихонович, — сказал полуубежденный дьячок, — ведь я не умею ворожить.

— Никакой ворожбы не надо, а только ловкость, сметка! Потому-то я и говорю тебе, что здесь греха нет. Ведь крестьяне давали нам прежде и теперь будут давать, хоть под другим видом. — Главное дело — мы скоро перестанем, лишь опериться б нам хоть немного да узнать, где раки теперь зимуют. — Ну, что молчишь, Григорий Дмитриевич, — али по рукам да за промысел?

— А миряне что об нас подумают?

— Чего думать мирянам? Олухи будут бояться, благодарить тебя. Я стану толковать им, коли хочешь, что ты до всего дошел наукою, без дьявольщины, что ты не колдун, а только знахарь, а подчас, где надо, и сам стану явно помогать тебе. Полно кобениться!

— Ин быть так, — сказал со вздохом дьячок, — на тебе руку, только бога — для не вве-

ди в напасть меня, грешного.

— Положись в том на кума. — Ладно; теперь слушай: от сего часа перестань выходить в народ, заприся, возьми угрюмый вид, походку, говори суровым голосом, ни с кем не знайся, чтоб к тебе доступа не было, а завтра я скажу тебе, как надо сделать первое дело.

Новые колдуны выпили еще по полстаканчику, оставшемуся в полштофе, поцеловались в укрепление нового своего союза и расстались. Мой дьячок сам не знал, что с ним сделалось, и еще меньше, что с ним сделается.

Между тем на другой день, лишь только занялась заря, как ни души еще не показывалось на улице, пономарь отправился на промысел, на двор к крестьянину Терентью, с намерением угнать его лошадей в потаенное место. Глядь — на его счастье бегут они сами со двора на водопой к реке. Мигом — долой он с себя веревку, которою был подпоясан, вскочил на одну лошадь, накинул петлю на другую и что есть духу по околице в поле и наконец в лес, так счастливо, что никто не увидал его из деревенских. Заехав в самую чащу, привязал он лошадей к дереву, надергал

им травы, и домой. — На другой день поутру, как ни в чем не бывалый, является он к Терентью, будто просить четверть муки взаем. У Терентья весь дом в тревоге: муж кричит, бранится, жена плачет, дети прибитые по углам воют.

— Что такое?

— Чего, Тихонович, беда! Кони, что купил на ярмарке, к Миколу, здоровенные, рыжие, пропали.

— Как так? и следу нет?

— Никакого.

— Врешь!

— Вот те Христос! Мои рохли, чтоб вас пу-сто взяло, — перестаньте реветь, окаянные, — выпустили вчера поутру, рано поднял их лукавый, лошадей на водопой, а сами назад в избу; те и не воротились.

— Да ведь не в первой раз, — застонала из угла девчица, — они ходили одни на реку, отчего ж прежде такой беды не случалось?

— Молчи, я тебя проучу, полоротая!

— Везде ли хорошо искал ты их, Терентий, — не забежали ли они куда в сторону?

— Везде искал, и по лугу, и на поле, и око-

ло реки. Вот другой день бьюсь...

— Ты поворожил бы.

— Жена ходила к старухе Степановской, да ничего не узнала в толк: увел какой-то черный, в длинных волосах — вот тебе и только.

— Так я же научу тебя за твою ласку, кого спросить, — сказал пономарь, отведя его к стороне, — ...нашего дьячка. Ведь он всю подноготную знает, да говорить не любит много.

— Что ты, Кирило Тихонович, неужли он знает?

— Да так-то знает, что чертям до слез. Молчи только, не моги сказывать никому об этом, отнеси ему крестовиков [5] десять — он дешево брать не любит — и припасай сена лошадям, которые теперь, чай, отощали. А мне покамест отвесь пудик мучки за благой совет.

Мужик тотчас насыпал ему без весу в мешок, проводил с поклоном со двора — потом в клеть, отпер сундук, развязал узлы, вынул десять крестовиков и к дьячку. — Прямо в ноги.

— Что, свет, тебе надо? — спросил хозяин, уже предупрежденный и наученный накануне ловким своим товарищем.

— Отец — помилуй, пусти души на покаяние.

— Что такое?

— У меня пропали кони. Скажи, где они?

— Да я почему знаю? Ах ты, сиволапый! Как смеешь ты меня спрашивать? Разве я заодно с ворами?

— Вот тебе десять крестовиков. Скажи, Христа ради, ты все знаешь, а я по гроб твоей милости не забуду, — и с сим словом высыпал на стол звонкое серебро.

— Разве для тебя только, Терентий, но смотри, не говори об этом никому, не то — боже тебя сохрани!

— Пусть язык у меня отвалится, если хоть заикнусь кому-нибудь.

Колдун вынес кружку воды, долго шептал над нею, часто сплескивал, ходил около крышки, читал какую-то толстую книгу, скоро, так, что пена у рта показалась, и наконец сказал мужику важным голосом, расстановисто:

— Коней у тебя увел вор в широких рукавах, да не успел еще проводить куда надо. Они стоят теперь в лесу подле прошлогодней

засеки, в чаще, у красного камня. Ступай за ними поскорее и заставая, покамест не уведены дальше.

Крестьянин не знал, как и благодарить своего благодетеля, и божился, что ни перед кем рта не разинет, и благим матом в лес. Что же? Кони его стоят привязанные, ведь именно на том месте, как указал дьячок.

— Ах, мои родные! — воскликнул он, приголубливая их, отвязал от дерева и в полном удовольствии повел с торжеством домой, удивляясь про себя с крестными знамениями великому знанию дьячка.

Как ни велико было в беде обещание Терентья молчать, но, избавившись беды, он никак не мог удержаться от того, чтоб не удовлетворить любопытству жены, которая не давала ему отдыха своими вопросами, как нашлись лошади; жена под тайною рассказала о случившемся сватье, сватья куме, и через месяц времени вся деревня шептала уж об удивительном искусстве Григорья Дмитриевича.

Вскоре приходит к колдуну крестьянка, представляя на блюде десяток яиц, три поло-

тенца с кружевами и два рубля медными деньгами.

— Помоги бедной, Григорий Дмитриевич! Нет житья от мужа. Он ходит у меня на работу в Питер и всякий раз, как воротится, бьет меня не на живот, а на смерть. Синие пятна не сходят ни с спины, ни с боков. Насилу отдохну без него к году, а тут он придет опять, и опять молотьба по-прежнему. Нельзя ли, кормилец, как-нибудь приворотить его ко мне?

— Скажи прежде, за что он бьет тебя? Ведь нельзя-таки без причины.

— Сама не знаю, родимый, видно, уж такое счастье на роду мне написано. За всякую всячину придирается — я ему что-нибудь в ответ — слово за слово, а он чем ни попаде в меня: поленом, ухватом али кочергою — и тем всегда повершится, что я как пласт шаранушь о земь: насилу водой отольют; — уж хоть бы до смерти когда он ушиб меня, один бы конец. Согрешила, грешная!

— Еще спрошу я тебя вот об чем: не случается ли тебе самой кричать шибче мужа перед тем, как бить он тебя начинает?

— Нельзя же, Григорий Дмитриевич, без

этого, — отвечала баба, несколько смутясь, — хочется ведь, чтоб и мои слова не пропали даром.

— Я помогу тебе, Егоровна, ты женщина добрая, и мне жаль тебя; чур, только не забывать помощника: у вас коров много, так ты бы когда маслица, когда сметанки, творожку, молочка...

— Рада, рада, кормилец, всего, что тебе угодно, лишь бы только злодей бил меня полегче.

— На тебе вару настоенного и наговоренного. Как начнет муж твой к тебе придирааться, ты отвернись и возьми в рот — как бы сказать тебе — ложки полторы или две и держи во рту до тех пор, как муж кричать перестанет. Если варево у тебя выйдет, приди ко мне опять с поклоном, и я дам тебе ивановской травы для нового настоя. Ты увидишь, недели через две у вас будет лад такой, что любо.

Баба поклонилась, поблагодарила колдуна и, бережно завернувши горшочек в полотенце, пошла домой с сладкою надеждою на действительность лекарства и с твердым решением им воспользоваться при первом случае.

Случай не преминул представиться, и как бы вы думали? надежда не обманула ее. Лишь только, припадении мужа возьмет она в рот волшебной настойки, как он и станет утихать, утихать, утихать и вовсе наконец умолкнет. «Аи, дьячок, — думает себе баба, — вот удружил, как рукой снял».

А муж с своей стороны удивлялся такой странной перемене с женою, которая прежде, бывало, не давала ему выговорить слово, пока язык не притискивался зубами от его ударов, а теперь стала шелковою, и рад был, что у них в доме завелся покой. Оба стали жить мирно и счастливо.

Молва о дьячке распространилась. Соседки Егоровны, которые также имели право жаловаться в том или другом отношении на своих мужей, свекровей и невесток, стали обращаться беспрестанно к колдуну с своими просьбами, и не с пустыми руками, а отходили от него с водами, травами, корнями и прочими снадобьями, которые в самом деле приносили им пользу, более или менее.

У соседнего помещика, вдовца, дочь, любимое дитя, девушка лет девятнадцати, резвившись и бегавши на лугу в сопровождении своих мамушек, нянюшек и сенных девушек, обронила дорогое свое колечко, томпаковое [6], осыпанное стеклярусом и купленное отцом ее у жида не дешевою ценой на Ростовской ярмарке. — Поднялась сумятица. — Барин в жестоком гневе, не имея сил смотреть без горести на слезы любимой дочери, обещался пересечь всю дворню от мала до велика, если кольцо в два дня не будет отыскано. Бедные рабы искали, искали, кажется, ни одной порошинки не оставили без внимания на том месте, где, вероятно, кольцо было потеряно, — на лугу между прудом, птичным двором и садом, но все было безуспешно. Кольца нет нигде. Все повесили голову, ожидая исполнения грозных обещаний, которые барин всегда сдерживал свято. В это страшное время случилась у ключницы баба из Рожественна, та кума, которой рассказывала сватья Терентьевой жены о происшествии с лошадьми.

— О чем горюете?

— Вот какое с нами несчастье.

— Да ведь вашему несчастью пособить можно. Ничего.

— Как так?

— Наш дьячок Григорий узнает тотчас куда девалось кольцо: намедни Терентью он разом указал украденных лошадей, а невестке Егоровне приворотил мужа, что он полюбил ее так, как нас хозяйева никогда не любивали. Только на подъем он тяжел. Надо просьба да и просьба, подарки да и подарки.

Ключница с такой доброй вестию к няне, первому человеку в доме, а няня к барину и пала в ноги.

— Отец наш родной, яви божескую милость.

— Какую милость явить тебе, старая хрычовка, я научу тебя смотреть за дитятей! будешь ты у меня бегать за нею да оглядываться!

— Дай мне слово вымолвить, старой твоей служанке, батюшка. Не о себе прошу я, буди надо мною воля барская и божеская, если я в чем, негодная, провинилась.

— Ну что еще такое? говори.

— В Рожествене, узнали мы наверное, дья-

чок великий чернокнижник, но не всякого зова слушается. Помоги нам, рабам твоим, доискаться до истины. Пошли за ним от своего имени, и он твоей милости не ослушается, а мы все сложимся и дадим ему что надо за труды, хоть из месячины [7] — ведь не дворяне; день, другой и поголодать можем — лишь бы драгоценное колечко нашей барышни отыскалось.

— Пожалуй, — сказал барин смягчившимся голосом, — только смотри: если от этого не будет толку, если он именем моим призовется по-пустому, так я шкуру с тебя сдеру вдвойне.

— Хоть втройне, мой родимый, сколько твоей душеньке угодно.

Снаряжено и отправлено посольство звать дьячка с усильными просьбами, значительными гостинцами и еще большими обещаниями, которых, разумеется, не жалели посланники, подвергавшиеся в числе дворни близкой уже опасности. — Дьячок после нескольких отказов наконец согласился и отправился вместе с пономарем. Приехав к помещику, они были угощены как следует, а наконец

приступили к делу. Сперва собрали свидетелей и расспросили всех обстоятельно, при барине, где бегала барышня, с кем, когда, какие сделаны поиски. Потом пошли на место — осмотрели, подумали, пошептали между собой, почитали.

— Никого, кроме вас, здесь не было? — спросил пономарь дворовых людей.

— Никого, наши отцы, разве только птицы гуляют здесь часто около пруда.

— Птиц на очную ставку! — воскликнул как будто обрадованный колдун.

Тотчас выгнали всех птиц: кур, уток, индеек, гусей, которые подняли все вместе ужасный крик, как бы в противоположность мертвому молчанию многочисленной дворни.

— Здесь виноватый, — продолжал пономарь, окинув взором новых свидетелей. — Попрошите сначала этого индейского петуха. — Повар побежал за ножом.

Сметливый колдун, сообразя все обстоятельства дела, узнанные из допросов, расчел, что кольцо не могло быть украдено при известной строгости барина и нравственности дворни; по крайней мере, вор тотчас был бы

открыт общими усилиями людей, которые должны были страдать все за одного виноватого; оно не могло также и затеряться на лугу, ибо вся земля была почти сквозь решето просеяна, а трава по стебельку перебрана. — Куда ж оно девалось? — Услышав, что на этом месте гуляли птицы, он тотчас вздумал, что которая-нибудь из них склевала кольцо, точно как случилось нечто подобное на его собственном дворе несколько лет тому назад, — и первое подозрение его пало на толстого индейского петуха, которому, разумеется, легче было проглотить эту вещь, нежели какой-нибудь курице или утке. Впрочем, пономарь решился, в случае нужды, перерезать под разными предлогами и других птиц покрупнее, а потом, если б нигде не нашлось пропажи, указать место, где она была, и наконец сложить вину на птичника.

Но выбор его был так удачен, что лишь только распороли принесенным ножом желудок индейского петуха, как кольцо и явилось пред очами всего изумленного собрания. Барин захохотал, дочь запрыгала, дворня ахнула и отдохнула; — опала тотчас была снята с

нее с пригрозою, чтоб впредь такого беспорядка не случилось. Сам умиловившийся барин наградил колдунов мешком меди, слуги один за другим приглашали их к себе по дворам, угостили всем, чем могли, и отпустили с благословениями. — В удовольствии, с полными карманами и узлами, сытые и пьяные, возвратились они домой; добродушный дьячок был еще рад, что столько людей чрез его посредство избавилось от жестокого, незаслуженного наказания, и согласился наконец с удалым своим сотрудником, что такое колдовство не есть еще действие слишком предосудительное и что в нем вместе с грехом есть и спасенье.

У другого соседнего помещика, знакомого с первым, пропало десять тысяч рублей денег, только что полученных им из дальней оброчной деревни, — пропало в то время, как он должен был дать задаток за стаю гончих собак и домашний театр с актерами, музыкантами, танцовщиками, танцовщицами, декорациями и гардеробом одному промотавшемуся князю. Пылая гневом, передает он со-

бравшимся соседям свое горе и просит у них совета, как поступить в таком критическом положении. Помещик, у которого нашлось кольцо, рассказывает об известном приключении. «Спрос не беда, — приговаривают другие, — попробуйте, пошлите за колдунами; хуже ничего не будет». Прочие одобряют совет, и помещик посылает уполномоченного дворецкого в село Рожествено. — Дьячку не хотелось ехать, как будто сердце его предчувствовало, но делать было нечего. Колдуны условились в цене и, получив подарок, прибыли — пономарь с обыквенною смелостью, которая всегда предвещала ему удачу, а дьячок с робостью, которая придавала ему вид какой-то таинственности и важности. Пономарь начал расспрашивать барина о всех подробностях: когда он получил деньги, чрез кого, при ком, куда спрятал, когда хватился, кто около него ходит; потом приступил к людям с допросами так, что они принуждены были рассказать ему все свои движения в продолжение последних дней. — Но, увы! все концы схоронены были так, что пономарь не мог добраться даже до подозрения, несмотря

на то, что пот катился с него почти градом, и вопросы все истощились. Однако он не уныл. Между тем как дьячок стал читать книгу, он спросил воды, заставил всех дворовых людей глядеться в нее, подмечая лица, — и опять не увидев ничего, пошептался с дьячком (у которого зуб не приходился на зуб, как будто б его поймали с поличным) и сказал торжественно, что они узнали уж почти все, но не могут выговорить узнанного после захождения солнечного.

— Завтра перед полуднем мы скажем всенародно всю правду, а теперь просим отпустить нас на покой для окончательного совещания.

Им отвели покой в сенном сарае и принесли всякой всячины на ужин, ибо время уже было позднее, вечернее. Там за штофом вина стали они рассуждать между собою, как, не уронив чести, с добрым именем и здоровым телом могут они избавиться от предстоящей расплаты и за прежние подвиги: помещик этот, псовый охотник и сумасбродный забияка, мог арапником выместить на их спине ответ неудовлетворительный. — Сам пономарь,

несмотря на хмель, призадумался, а дьячок начал укорять его за то, что ввел в такой грех. Напрасно первый ободрял робкого товарища надеждою на какой-нибудь неожиданный случай, который и прежде спасал их часто, — товарищ не хотел ничего слушать и считал всякую минуту до утра, как преступник, осужденный на казнь. Между тем с одной стороны, за сараем, запел петух.

— Вот и первый посол к нам является! — сказал он унылым голосом, чувствуя, что время к ответу приближается.

Что же? С другой стороны к сараю в эту минуту подошел вор, укравший деньги (барский камердинер), желая подслушать и подсмотреть, что делают колдуны. Как услышал он слова дьячковы, так и обмер, приняв их на свой счет. Тотчас побежал он к своему соучастнику и рассказал ему, что воровство открыто, и дьячок узнал даже его приближение. Тот, не веря ему, стремглав с ним к сараю, и в это же время с другой стороны стал петь второй петух, а дьячок тем же голосом воскликнул:

— Вот и второй посол к нам приближается.

В страхе и трепете воры в сарай, и на колени пред колдунами, которые испугались не меньше их этого неожиданного явления.

— Наш грех, простите и не погубите.

— Ах вы, канальи, что вы наделали это? — сказал пономарь, оправившись. — Ну, если бы мы, не жалея вас, сказали вчера барину, в чьи руки попались его денежки, что случилось бы с вами?

— Мы думали было, что вы не узнаете нас!

— Как не узнать нам, коли на том стоим?

— Отцы! по гроб вашей милости не забудем, рубашку с себя скинем для вас, лишь только закройте беду.

— Целы ли деньги у вас?

— Все целы.

— Ну хорошо, смотрите, вперед не грешите, деньги отнесите в поленницу на заднем дворе и положите под шестой ряд, а нам теперь хоть в задаток что-нибудь из обещанного.

Воры исполнили милостивый приказ и принесли на поклон своим благодетелям четыре холста и обещали вскоре доставить гораздо больше.

— Ступайте теперь спать с богом; утро вечера мудренее.

— Ну, что скажешь, Кирило? — воскликнул пономарь, смотря на дьячка, обеспамятешшего от радости. — Ведь нам пятьсот рублей получать теперь по условию!

— Исполать! [8] — отвечал дьячок.

Потолковав еще несколько минут за остатком вина в штофе, легли они оба спать на постланном сене довольные, веселые и пьяные.

Поутру с торжествующим видом, опохмелившись и позавтракавши, пришли они к барину, сидевшему за чаем с своими гостями, и сказали ему, что деньги его целы и лежат в таком-то месте, но что имени воров узнать они еще не успели.

— Черт их возьми! — воскликнул обрадованный барин. — Лишь бы отыскать мне мою пропажу, — и пошел вместе с дьячком, пономарем и гостями на указанное место. Деньги тут; все присутствующие не верили своим глазам; удивлению, радости, шуму, крику не было конца. Тотчас по условию отсчитал хозяин колдунам пятьсот рублей, поблагодарил за услугу, велел напоить, накормить и отпу-

стить с честью, а сам на радостях начал пировать с своими гостями.

Дьячок и пономарь, получившие такое щедрое награждение, вне себя от удовольствия, отказались от предложенной телеги и пошли пешком домой в свое село, отстоявшее отсюда не более как на десять верст.

Между тем барину, охмелевшему на пиру, жаль стало денег, данных по условию. «Отниму-ка я их назад, — подумал он про себя; — молодцы, чай, недалеко еще от деревни». Тотчас велел он собраться охотникам поудалее, сел сам на коня потихоньку от гостей, и во весь опор пустился по той дороге, по коей отправились гости. — Через четверть часа, проскакав версты четыре, увидел он их вдали, идущих прямо перелеском. Увидел, испугался: «Ну, если они в самом деле чернокнижники и накличут на меня какую-нибудь беду во злости! Дай я еще испытаю их». Он велел остановиться спутникам, соскочил с лошади и поднял большого жука, который переползал через дорогу. «Узнают ли они, что у меня в руке?» — с сею мыслию, с шумом и криком, поскакал он на путешественников. Те не

успели оглянуться, как барин с десятком охотников был почти пред ними — все скакали прямо на них, и очевидно с злым умыслом.

— Ну, попались жучки в барские ручки! — закричал пономарь, и у барина подкосились ноги, опустились руки, и жук выпал.

— Здорово, ребята! счастливый путь, — чуть пробормотал он им сквозь зубы. — Охотники, домой! — и все поворотили коней назад, оставя счастливых в величайшем удивлении, что значит это странное посещение.

Таким образом долго промышляли наши герои и, благодаря смелости, рассудительности, а особливо удаче, нажили порядочное состояние. — Так нет: захотелось еще больше; даже самому совестливому дьячку, ослепленному счастьем, так понравился выгодный промысел, что он позабыл прежнее свое намерение. Но — повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову положить: слава о подвигах колдунов распространилась слишком далеко, до епархиального начальства. Проказников взяли к суду; судьи порядком допросили их, порядком опустошили их сундуки и

приговорили, отреша от должностей, разослать в монастыри на покаяние. — Так кончились их похождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в «Повестях Михаила
Погодина».

Примечания

Черное духовенство — монашествующее, в отличие от белого духовенства, представители которого вступают в брак.

[^^^]

Отчина — здесь: земельное владение монастыря.

[^^^]

Монастырщина — крепостные, принадлежащие монастырям.

[^^^]

4

Причетники — церковнослужители, занимающие невысокую должность.

[^^^]

5

Крестовик — петровский серебряный рубль (с вензелем в виде креста).

[^^^]

6

Томпаковое — из сплава меди с цинком.

[^^^]

Месячина — месячное содержание дворовых людей.

[^^^]

8

Исполать — хвала, слава.

[^^^]